

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

«Основу понятия прогресса следует искать в идее катастрофы. То, что все «так продолжается», — есть катастрофа... Идея Стриндберга: ад — это не то, что нам предстоит, — но эта жизнь здесь.

Маркс утверждает, что революции — это локомотивы мировой истории. Но, возможно, дело обстоит совсем наоборот. Возможно, революции — это когда едущий в этом поезде род человеческий хватается за стоп-кран [2].

Вальтер Беньямин, немецкий философ

Вопреки надеждам анархистов, мировая война не переросла в социальную революцию, а, наоборот, способствовала укреплению национальных государств. В Восточной Европе, занятой советскими войсками, либертарианцы и синдикалисты подверглись репрессиям. В большинстве западных стран они получили возможность легальной деятельности. Но возрождения анархистского и анархо-синдикалистского движения как массовой силы не произошло. В Западной Европе утвердилась система социального партнерства в рамках

«демократического корпоративизма» —сотрудничества между властью, предпринимателями и профсоюзами. Спад анархо-синдикализма нередко объясняют тяжелыми репрессиями, которые пали на него со всех сторон. Действительно, крупнейшие либертарные рабочие союзы в Италии, Португалии и Испании были сметены фашистскими или военными диктатурами. Систематические репрессии, продолжавшиеся десятилетиями, разбили структуры движения. Сменились целые поколения, и молодежь, которая пришла в общественную жизнь в другие исторические эпохи, уже не имела ни прежних традиций, ни прежних навыков борьбы. Правда, в Аргентине и Уругвае первые удары диктатур не были столь продолжительными, но они поразили рабочих-анархистов в самый болезненный переломный момент. Революционные организации трудящихся, сжавшись под ударами сверху до ядра в несколько тысяч активистов, не смогли вновь расширить свои ряды, когда стремительная индустриализация 1940—1950-х гг. в десятки раз увеличила численность наемных работников и буквально растворила эти островки в огромной волне новых пролетариев, не имевших опыта прямого действия и идейной убежденности своих предшественников. А новые систематические преследования со стороны перонистской диктатуры в Аргентине не позволили рабочим анархистам поднять голову и распространить

свои методы и знания о своих целях. Организации постепенно, но неумолимо та яли, изнемогая в неравной борьбе.

Но одного лишь правительственного террора было бы, веро ятно, недостаточно, чтобы остановить столь мощный и радикаль ный поток. «Более глубокое объяснение исчезновения синдика лизма как массового движения должно принимать во внимание не только временные факторы, такие как государственные репрес сии, но и изменения в капиталистическом обществе», —справед ливо замечают современные исследователи Марсель ван дер Линден и Уэйн Торп [3].

Анархо-синдикализм как направление в рабочем движении и одновременно —как массовая форма анархизма стал продолжени ем традиции антиавторитарного крыла Первого Интернационала, которое обычно связывают с именем Михаила Бакунина и его со ратников. Он появился и обрел силу на изломе времен, в период глубоких социальных, экономических и политических перемен — в первые десятилетия XX века. В странах, образывавших «центр» мировой индустриально-капиталистической системы, происходил переход к развитому индустриальному обществу, а на «периферии» и «полупериферии» еще только разворачивался процесс индустри ализации [4]. Стремительные общественные изменения нередко ока зывались весьма болезненными для трудящихся, принуждая их оставлять традиционные занятия и образ жизни и отправляться работать на фабрики, зачастую в тяжелых условиях. Бывшие сельс кие труженики отрывались от привычной, веками устоявшейся среды, а некогда квалифицированные рабочие-ремесленники страдали от все более узкой специализации и деквалификации труда. Сознание людей тяжело переносило растущее отчуждение и атомизацию человеческой личности в возникавшем «массовом обществе» [5].

Рабочее движение возникло в значительной мере как сила, аль тернативная по отношению к индустриально-капиталистической системе. Как замечал итальянский социолог Марко Ревелли, оно и «современное государство при своем возникновении противостояли друг другу, как противоположности»⁶. Конечно, это противо поставление могло выглядеть по-разному, более (как в случае с английскими луддитами, которые сопротивлялись внедрению фаб ричной системы) или менее радикально (в виде рабочих обществ взаимопомощи, взявших на себя регулирование социальной сферы). Но почти всегда это «раннее» движение трудящихся опиралось на еще сохранявшийся от доиндустриальных, ремесленно-цеховых времен дух независимости, общинности и коллективизма, который противостоял фабричному деспотизму. Разделение труда еще не доходило до тейлористской фрагментации, и квалифицированным трудящимся, хорошо представлявшим себе свою работу, ее ход и цели, вполне доступна была мысль о том, что они сами могут конт ролировать развитие производства. С другой стороны, государст венные механизмы социальной интеграции еще не получили достаточного развития, социальная сфера почти полностью конт ролировалась институтами и организациями движения трудящихся (ассоциациями, синдикатами, «биржами труда» и т.д.), которые нередко рассматривались как основа для возможной самоуправлен- ческой альтернативы. Именно на этой основе сложилось массовое революционно-синдикалистское и анархо-синдикалистское рабочее движение.

В общественных реалиях того времени имелось устойчивое место для радикальных социальных течений, которые выступали — в той или иной мере — за устранение, демонтаж или радикальное преобразование индустриально-капиталистической системы. Хотя большинство революционных синдикалистов и анархистов отнюдь не были свободны от определенных индустриалистско-прогрессистских мифов и представлений, все же их общественный проект был в целом ориентирован на разрыв с системой и замену ее новым общественным устройством на основе самоуправления и принятия решений путем согласования, «снизу вверх».

Эти взгляды во многом совпадали в тот период с настроениями рабочей массы. Американский социальный исследователь Мюррей Букчин отметил некоторые основные черты этого «пролетарского социализма» эпохи до Второй мировой войны: «С одной стороны, он происходит из превращения капитализмом многих в основном автономных ремесленников в индустриальных рабочих во взрывные годы промышленной революции [7]. С другой — на него как на движение, помимо всех теорий, оказало влияние его происхождение из сел и маленьких городов, особенно пролетарияция крестьянства... То, что эти докапиталистические культуры с их связанными с природой ритмами и ценностями были перенесены в промышленные города, имеет решающее значение для объяснения характера их недовольства и радикализма... Эта сельская подоплека породила очень сложную мозаику взглядов, ценностей и соотношений между доиндустриальными и индустриальными культурами, которая зажигала в мужчинах и женщинах... неугасимый, почти апокалиптический огонь... Пролетариат конца XIX — начала XX в. был совершенно особым социальным явлением. Эти люди были деклассированными (не люмпенизированными, но именно воспринимающими себя как нечто чуждое, «иное». —В.Д.) по своему мышлению, спонтанными по природной естественности своего поведения; они были ожесточены утратой своей автономии и формировались под влиянием ценностей утерянного ремесленничества, любви к земле и общинной солидарности. Отсюда шел сильный революционный дух, поднимавшийся в рабочем движении» [8].

Мы проследили историю революционно-синдикалистского и анархо-синдикалистского движения в мире в первой половине XX века и можем теперь сделать обоснованный вывод о том, что его нельзя рассматривать как какое-либо незначительное, маргинальное явление, как экстравагантные выходы «экстремистских групп пировок» или выдумки салонных интеллектуалов. Это было движение с прочными и крепкими социальными корнями, которому удалось не только увлечь сотни тысяч или миллионы наемных работников, но и наложить временами решающий отпечаток на ход исторических событий (особенно в революционные моменты). И все же оно не смогло повернуть руль истории в свою сторону. Конечно, стратегические и тактические ошибки участников, теоретическая неясность и неразработанность многих проблем, острое внутреннее противоборство в его рядах также сыграли свою роль. Но главное, как кажется было, не в этом. Что-то менялось в самом мире —быстро, часто даже неуловимо и незаметно для современников событий.

По мере завершения формирования основ индустриальной системы стали нарастать тенденции, создававшие благоприятные условия для большей интеграции трудящихся масс в существующую систему. Сюда следует отнести прежде всего углубление фабрично-индустриального разделения труда, соответствующую фрагментацию трудового процесса,

размывание прежнего костяка квалифицированных «рабочих-ремесленников» за счет новых слоев работников, меньше ориентирующихся в процессе производства в целом.

Лишь немногие анархо-синдикалисты сознавали грозившую их движению опасность. К ним относился, к примеру, видный теоретик и многолетний секретарь анархо-синдикалистского Интернационала Рудольф Роккер, уже в 1931 г. предупреждавший о негативном влиянии рационализации капиталистического производства на рабочий радикализм. Действительно, как отмечают исследователи, начавшаяся с 1920-х годов и бурно продолжавшаяся после Второй мировой войны автоматизация производственных процессов, с помощью которой стало широкое внедрение конвейерных методов, способствовала крайней специализации и раздроблению труда на частичные операции. Новый социальный тип «массового специализированного рабочего» не понимал смысла производства в целом и не выдвигал поэтому требований о целостном контроле над ним. Ось социального противоборства сместилась из сферы производства с ее проблемами содержания труда и независимости производителя в сферу распределения произведенного прибавочного продукта и потребления. Соответственно наметился упадок тех течений в рабочем движении, которые выступали как альтернатива по отношению к индустриально-капиталистической системе и ориентировались именно на борьбу за контроль трудящимся над производством [9]. Как заметил в этой связи Букчин, «резко изменились социальный состав, политическая культура, наследие и цель пролетариата... Рабочий класс полностью индустриализировался, а не радикализировался, как надеялись социалисты и анархо-синдикалисты» [10].

Мы можем сегодня только гадать, что было бы, если бы революционное движение трудящихся, как призывали рабочие-анархисты из Аргентинской региональной рабочей федерации (ФОРА), остановило развитие «капиталистического индустриализма» в переломный момент 1920—1930-х гг., пока оно не зашло «необратимо» далеко. Шансы на это если и были, то не реализовались. Реальное, — говорил Кьеркегор, — это уничтоженное возможное.

Вторым существенным фактором можно считать широкие социальные реформы, которые в течение XX века были проведены в большинстве стран мира, значительно изменив лицо индустриально-капиталистической модели и способствуя далеко идущему государственному вмешательству в социальную сферу. Эти меры были предприняты в значительной мере под давлением радикальной борьбы трудящихся: она — исторический парадокс! — превратилась в «мотор» интеграции рабочего движения в существующую систему [11]. Прибегая к предоставленным государством механизмам трудового законодательства, арбитража, судов и т.д., наемным работникам нередко удавалось добиться от предпринимателей уступок, каких они не могли завоевать в ходе многолетней, полной жертв борьбы.

В мучительных конвульсиях двух мировых войн, европейских революций и революционных выступлений 1920—1930-х гг. (последним здесь надо считать Испанскую революцию), в экономических кризисах и «фордистско-тейлористском перевороте» рождалось так называемое «социальное государство», взявшее на себя регулирование социальной и экономической сфер. Вторая мировая война, повторим, привела к укреплению института национального государства, ибо война с фашистскими державами велась во имя

демократического государства и национальной независимости и требовала национального единства вместо классовой борьбы. После войны произошло окончательное утверждение модели «социального государства». Кейнсианская политика стимулирования платежеспособного спроса способствовала росту благосостояния трудящихся в развитых капиталистических странах, их заинтересованности в функционировании системы в целом и надеждам на удовлетворение их растущих потребительских притязаний в рамках модели «социального партнерства».

Пытаясь объяснить, как могло почти исчезнуть мощное общественное движение, «которое с начала века служило мотором лобовой рабочей борьбы» и пользовалось подчас преобладающей под держкой в рабочей среде, известный исследователь аргентинского анархизма Освальдо Байер замечал: «Анархизм мог полагаться на большую массу бедняков, тогда как аргентинское общество являло картину общества, разделенного на эксплуататоров и эксплуатируемых без всяких нюансов, а лишённые каких бы то ни было прав трудящиеся были отданы на произвол всемогущего нанимателя. Но с тех пор, как государство приступило к распределению некоторых крох, чтобы система не рухнула, с тех пор, как трудящимся были предоставлены некоторые гарантии и фундаментальные законы, с тех пор, как государство, верный представитель капитала, начало вести переговоры с представителями трудящихся, анархизм уже не встречал подобающего отклика. Он сохранил свою незапятнанную позицию: никакого диалога, никаких соглашений. Но он натолкнулся на враждебность». Свою роль сыграли и распространившиеся иллюзии, связанные с большевизмом и «родной трудящихся всего мира» — СССР: эйфория, последовавшая за Русской революцией, «выбила трудящихся из равновесия» и многие уставшие от непрерывного радикализма и упорной борьбы активисты «были соблазнены более легким, как казалось, путем большевизма» [12].

Как бы то ни было, новые реалии, как отмечают исследователи, оставляли анархо-синдикалистским организациям «только три возможности, каждая из которых должна была иметь для них губительные последствия. Движение могло: 1) продолжать придерживаться своих принципов — в этом случае оно подвергалось неминуемой маргинализации; 2) полностью сменить курс и приспособиться к новым условиям — в таком случае ему приходилось отказаться от синдикалистских принципов; 3) если обе эти возможности отпадали — самораспуститься или, что то же самое, войти в несиндикалистский профсоюз» [13].

Международная ассоциация трудящихся (МАТ) пошла по первому пути, ожидая момента, когда условия для анархо-синдикалистского движения вновь станут более благоприятными, а ее идеи — снова найдут спрос в обществе. Возобновив свою работу после Второй мировой войны, анархо-синдикалистский Интернационал оказался объединением испанских революционеров-эмигрантов и небольших профсоюзных либо пропагандистских групп в ряде европейских и латиноамериканских стран. После того как испанская Национальная конфедерация труда (НКТ) в изгнании в 1947 г. приняла решение о возвращении к анархистским принципам отказа от сотрудничества с государственными политическими силами и об ориентации на социальную революцию [14], она предложила на 7-м конгрессе МАТ (1951 г.) отменить поправку о «тактической автономии», внесенную в 1938 г. После длительной и острой дискуссии, сопровождавшейся

расколом в Интернационале, такая резолюция была, наконец, принята 9-м конгрессом (1956 г.). Это позволило аргентинской ФОРА вернуться в международную организацию. Делегаты следующего, 10-го конгресса (1958 г.) по предложению аргентинцев провозгласили, что «состоять в МАТ могут только группы, которые признают в качестве цели либертарный (анархистский) коммунизм и федерализм» [15]. В связи с этими идеями дискуссиями МАТ покинули Центральная организация шведских рабочих (САК) и голландские синдикалисты. САК продолжала считать себя «либертарно-синдикалистским» профсоюзом, но фактически пошла по второму пути — пересмотра анархистских принципов. Ведущим идеологом этой организации после войны стал немецкий эмигрант Хельмут Рюдигер, который, продолжая свои довоенные взгляды, отстаивал теперь примирение синдикализма с принципами парламентской демократии и социального государства, предлагал постепенную демократическую эволюцию к либертарному строю, основанному на сочетании плановых и рыночных элементов [16]. Шведские синдикалисты выступили за развитие «индустриальной демократии» в рамках существующей системы как путь перехода к новому обществу и организовали при содействии и финансовой помощи государства собственные пенсионные фонды. Большинство анархо-синдикалистских групп отвергли политику САК как реформистскую.

Период 1960-х гг. стал наиболее низкой точкой влияния МАТ [17]. В это время анархо-синдикалисты вынуждены были заниматься главным образом теоретической работой — анализом современного общественного развития, эволюции капитализма и государства, положения в странах так называемого «реального социализма», который МАТ определяла как государственный капитализм, и в развивающихся странах; изучением проблем технического прогресса и автоматизации производства; оценкой потенциала кооперативного движения; предложениями по аграрному вопросу и по противодействию угрозе войны. После всемирной волны студенческих и рабочих протестов в 1968—1969 гг. и ликвидации испанского франкистского режима, в Европе и Северной Америке стал наблюдаться рост интереса к анархо-синдикализму. Были воссозданы организация НКТ в Испании, структуры Итальянского синдикального союза (УСИ), оживились анархо-синдикалистские группы в ряде других стран. МАТ активно занималась в эти годы анализом глобальных проблем и новых социальных движений, пытаясь дать этим явлениям оценку с социально-революционных позиций.

С 1980-х гг. экологический кризис, процессы глобализации экономики, переход к неолиберализму и демонтаж модели «социального государства» по всему миру сопровождались кризисом государственных левых (социал-демократических и коммунистических) партий и находившихся под их влиянием структур рабочего движения — профсоюзов. Произошло падение режимов компартий в СССР и восточноевропейских странах, социал-демократические партии заимствовали ряд постулатов неолиберализма, профсоюзы оказались не в состоянии предотвратить реальное уменьшение зарплат многих категорий трудящихся, сокращение социальных льгот и завоеваний, которыми пользовались наемные работники на протяжении предшествовавших десятилетий. Развернулся процесс «прекаризации» — внедрения нестабильных, незакрепленных законодательными гарантиями трудовых отношений, систем временной занятости и ухудшенных условий труда, а также моделей «гибкой» организации рабочего времени, которое распределялось, разумеется, в соответствии с интересами предпринимателей, а не работни-

ков. Анархо-синдикалисты восприняли новые явления как своего рода «вызов времени», на который не могли дать ответ «традиционные левые». С их точки зрения, распад СССР, падение режимов компартий и наступление моделей свободного рынка с их «неолиберальным тоталитаризмом» — все это, как писал журнал английских анархо-синдикалистов, свидетельствует о том, что «идея государственного контроля, на которую опирались как революционные, так и социал-демократические левые, потерпела крах... Необходимо фундаментальное переосмысление», в значительной мере возвращающее к дискуссиям между либертарными и авторитарными социалистами в Первом Интернационале. «Сердцевиной любого социалистического переосмысления должна быть альтернатива капитализму... Капитализм не может быть реформирован, он должен быть заменен. Мы должны выучить самый большой урок истории XX века: никакое государство не может обеспечить свободу трудящимся, совсем наоборот» [18].

С 1990-х гг. происходит оживление мирового анархо-синдикалистского движения. Появились новые секции и группы сторонников МАТ, в том числе в России, Восточной Европе, Америке, Азии, Африке, а секциям в Испании, Италии и Франции удалось стать небольшими, но активными профсоюзами. Теперь они не столько пытаются абсорбировать в себе рабочее движение, сколько ориентируются на развитие и радикализацию независимых от реформистских профсоюзов и партий, самоуправляемых и самоорганизованных рабочих выступлений, в ходе которых все решения принимаются на общих собраниях (ассамблеях) трудящихся и осуществляются методы прямого действия. Несмотря на то что в Испании, Франции и Италии вновь произошли расколы и отколы групп, пытающихся обрести массовость за счет отказа от ряда анархо-синдикалистских принципов (антипартийности, неучастия в органах социального партнерства на производстве и т.д.), МАТ стремится сохранить традиционную для себя роль альтернативы по отношению ко всей индустриально-капиталистической системе. Играя роль «катализатора» самоорганизации, анархо-синдикалисты надеются на то, что из реального, повседневного отстаивания людьми своих прав и интересов смогут вырасти навыки и структуры общественного самоуправления.

Сможет ли анархо-синдикализм расширить свое влияние в сегодняшнем меняющемся мире, когда трудящимся вновь приходится вести упорную борьбу за свои завоевания, еще вчера казавшиеся чем-то привычным и даже естественным? Кто знает... История — это открытый процесс, совершаемый самими людьми. Они задают вопросы, и они же каждый день дают на них ответ.

1

2

4

3

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

56

55

57

58

59

60

61

62

63

Версия #4

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 3 ноября 2025 16:04:31

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 ноября 2025 15:45:30